

как 4 октября 1854 г. говорил в законодательном собрании Иллинойса, Линкольн дал ему знать, что на следующий день ответит, и Дуглас 5 октября пришёл послушать его ответ, хотя был болен. «Но в тот день именно тот самый конвент, о котором он говорит, должен был собраться в помещении сената, в то время как он выступал в палате представителей. Когда он кончил свою речь, я ясно помню, что м-р [Икабод] Коддинг вошёл в тот самый момент, когда я начал отвечать, сообщил, что республиканский конвент немедленно собирается в помещении сената, и позвал республиканцев идти на этот самый конвент, вместо того чтобы слушать меня...» (*Троекратное «ура» Дугласу*).

Упомянутый Дугласом И. Коддинг (Coddling, Ichabod 1810–1866) – известный аболиционист, унитарийский пастор, служивший главным образом в штате Висконсин.

Как видим, речь Дугласа прервали его сторонники. Однако, когда крик утих, нормально продолжить её Дугласу помешал Линкольн. В отчёте газет разных направлений этот неприглядный эпизод выглядит несколько по-разному. Хотя первая и вторая реплики по смыслу совпадают, третья (линкольновская) передана различно. Линкольн: «Судья, прибавьте, что и я ушёл с ними!» – Дуглас: «Джентльмены, м-р Линкольн говорит мне, чтобы я прибавил, будто и он прошёл с ними в комнату сената. Я этого не прибавлю, потому что я не знаю, прошёл он туда или нет». – Далее Линкольн, согласно отчёту *Chicago Times*, выкрикнул: «А я знаю, что он туда не проходил», тогда как согласно репортажу *Press and Tribune* – «Зато я знаю!» – После этого, согласно репортажу *Chicago Times*, «два члена здешнего республиканского комитета схватили Линкольна и внезапным резким толчком заставили его исчезнуть с переднего края сцены. Один из них сказал так, что было явно слышно: «Из-за чего Вы поднимаете шум!? Дуглас не перебивал Вас, и неужели Вы не видите, что публике не нравится это»».

«Я еще добьюсь, что он признает мою правоту в этом пункте!» (“I will yet bring him to his milk on this point!”) – таким оптимистичным заявлением возобновил Дуглас свою речь после этого инцидента [3, р. 78–80].

Хотя не исключено, что Линкольн изъясил этот эпизод из издания 1860 г. из-за того, что он его в какой-то мере компрометировал, гораздо вероятнее, что он хотел просто очистить текст от всего, что отвлекало внимание читателя от существа обсуждаемых политических проблем.

1. Illinois political campaign of 1858: Lincoln – Douglas Debates [Electronic resource] / ed.: A. Lincoln. // Library of Congress. – Mode of access: <http://www.loc.gov/item/2004573227/>. – Date of access 06.04.2021.
2. Lincoln, A. The Collected Works of Abraham Lincoln. – Vol. I–VIII. / ed.: Roy P. Basler. – New Brunswick ; New Jersey : Rutgers University Press, 1953–1955. ; Vol. II [3.IX.1848 – 21.VIII.1858]. / ed.: Roy P. Basler [et al.]. – New Brunswick ; N. J., 1953. – 553 p.
3. The Lincoln – Douglas Debates. The First Complete, Unexpurgated text. / ed.: H. Holzer. – New York : Harper Collins, 1993. – XVIII, 394 p.

Моторова Н. С.

ОСВЕЩЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ 1860-Х ГГ. В ВОСПОМИНАНИЯХ Д. А. МИЛЮТИНА

Д. А. Милютин являлся одной из знаковых фигур, с которой связано воплощение в жизнь «Великих реформ» Александра II. На протяжении 1861–1881 гг. он являлся военным министром Российской империи. Д. А. Милютин взаимодействовал с представителями высшей имперской бюрократии того времени, участвовал в обсуждении важнейших законопроектов пореформенного периода как член Государственного совета. На страницах его воспоминаний нашли отражение отдельные социальные проблемы, актуальные для Российской империи на протяжении 1860-х гг.

В мемуарах Д. А. Милютина особое внимание уделялось такому социальному бедствию, как пожары. Он отмечал, что особый размах оно приобрело в 1864 г. В наибольшей степени пожарами были охвачены поволжские губернии – Саратовская и Самарская. В Минской губернии почти полностью был уничтожен Мозырь. Крупные пожары произошли в Оренбурге и Симбирске. В последнем случае стихийное бедствие спровоцировало волнения среди населения. По словам Д. А. Милютина, «ожесточение пострадавших от пожара искало виновников бедствия» и сопровождалось самосудом [2, с. 480–481].

Военный министр связывал возникновение пожаров с так называемой «польской интригой», обвиняя в поджогах участников восстания 1863–1864 гг. высланных из Царства Польского и Западного края во внутренние губернии Российской империи, преимущественно, в восточные регионы. Также Д. А. Милютин отмечал, что поджоги могли быть связаны и с деятельностью русских революционеров [2, с. 485].

В следующем 1865 г. Российская империя вновь была охвачена пожарами. Это бедствие в равной степени проявлялось как в западных регионах, так и во внутренних губерниях. В своих воспоминаниях Д. А. Милютин вновь связал возникновение пожаров с умышленными поджогами

и предположил, что поджигателями были сосланные поляки [3, с. 97]. Это относилось и к пожарам в Царстве Польском и западных губерниях. По словам Д. А. Милютина, удалось даже задержать несколько поджигателей, среди которых были как участники восстания 1863–1864 гг., так и женщины и дети, бедняки. Некоторые из них признавались, что действовали «по распоряжению таинственной власти» [3, с. 99–100].

Подводя итог событиям 1864–1865 гг., Д. А. Милютин отметил, что нельзя связывать все пожары исключительно с деятельностью сосланных поляков. Часть из них была результатом умышленных пожаров, обусловленных корыстными мотивами. Дома поджигались специально, чтобы получить страховые премии, значительно превышавшие стоимость уничтоженного движимого и недвижимого имущества. Например, такие случаи были подтверждены в Царстве Польском, где действовала организованная группа поджигателей-евреев. Однако в целом Д. А. Милютин склонялся к тому, что большая часть пожаров все же была результатом действий польских революционеров [3, с. 100].

В воспоминаниях Д. А. Милютина уделялось внимание и еще одной важной социальной проблеме, с которой периодически сталкивалась Российская империя, – эпидемии холеры. Соответствующие заметки относятся к 1866 г. При этом он отмечал, что уровень заболеваемости и смертности от этого заболевания был гораздо ниже по сравнению с 1830 и 1848 г., сама болезнь была достаточно изучена, а административные власти были готовы к ее появлению. В Санкт-Петербурге, например, был создан Особый комитет для борьбы с холерой под председательством князя А. А. Суворова [3, с. 256].

Конечно, Д. А. Милютин в своих воспоминаниях преувеличил степень готовности властей к борьбе с холерой. В Российской империи эпидемия продолжалась 9 лет – с 1865 по 1873 гг. За это время заразилось 895 006 человек, из них умерло 331 501 [подсчитано по: 8, с. 2]. На тот момент отсутствовали ясные представления об этиологии холеры и механизмах ее распространения. Естественно, это негативно влияло на эффективность противоэпидемических мероприятий. Возбудитель холеры был открыт лишь в 1883 г. Робертом Кохом. Именно он указал на опасность, которую представлял заболевший холерой для окружающих, и необходимость проведения масштабных санитарных мероприятий, использования кипяченой воды, контроля за качеством пищевых продуктов [7, с. 271].

В 1868 г. Российская империя столкнулась с еще одной крупной социальной проблемой – неурожаем, который привел к голоду в отдельных регионах государства. Естественно, эти события нашли отражение на страницах воспоминаний Д. А. Милютина. В наибольшей степени голод охватил северные и восточные губернии. Для оказания помощи пострадавшим правительство активно использовало потенциал частной благотворительности. Для сбора пожертвований и их распределения между пострадавшими был создан Особый комитет под председательством наследника престола цесаревича Александра Александровича. Соответствующий рескрипт был подписан в январе 1868 г. Деятельность Особой комиссии продолжалась до октября 1868 г. Материалы ее заседаний регулярно публиковались на страницах периодических изданий [4, с. 34].

Описывая эти события, Д. А. Милютин вскользь упоминает о том, что основные обвинения в возникновении этого социального бедствия легли на министра внутренних дел П. А. Валуева, который предпочел в сложившейся ситуации подать в отставку [4, с. 35]. Официальным предлогом стало указание на пошатнувшееся здоровье. Однако в реальности эти события стали отражением острых конфликтов в правительственных кругах, о которых Д. А. Милютин не мог не знать, однако воздержался от подробных комментариев по этому вопросу в своих воспоминаниях. Скорее всего, это было связано с его неприязненным отношением к П. А. Валуеву. Характеризуя этого политического деятеля в своих мемуарах, военный отмечал: «В сущности это был человек с разносторонним образованием и европейской культурой (чем отличался от большей части наших государственных людей), но с односторонним кругозором. Его воззрения, политические и государственные, всего ближе можно назвать аристократическим доктринерством» [1, с. 92]. Также Д. А. Милютин упрекал П. А. Валуева в космополитизме и симпатиях к немцам и полякам [1, с. 92].

Более подробно данный сюжет был освещен в воспоминаниях современника Д. А. Милютина – министра народного просвещения А. В. Головнина. Он прямо указал на конфликт, который возник между наследником престола и министром внутренних дел и на то, что фактически Особый комитет взял на себя функции ревизии действий МВД по оказанию помощи пострадавшим от неурожая, «громко порицал министра за неприятие своевременных мер к пособию голодающим, за большие упущения по народному продовольствию и за умышленное уменьшение в своих докладах и отчетах существующего бедствия» [5, с. 442]. Со своей стороны А. В. Головнин, признавал, что большая часть этих обвинений была вполне обоснованна. Однако он отмечал негативное влияние конфликта между наследником престола и министром внутренних дел П. А. Валуевым, выражав-

шея в нарушении субординации во всей системе государственного управления, так как Особая комиссия требовал отчета со стороны органов местного управления и самоуправления, которые напрямую подчинялись МВД. Тем самым наносился вред всей системе государственного управления [5, с. 442].

Что касается П. А. Валуева, то в его дневниковых записях эти события также были освещены. В записи за 20 февраля 1868 г. он отметил, что выступил с докладом об организации продовольственного дела на заседании Комитета министров. При этом никаких критических замечаний со стороны присутствовавших не поступило [6, с. 247–248]. Затем 28 февраля 1868 г. П. А. Валуев указал, что Особая комиссия закупала хлеб для пострадавших, однако даже не сообщала, куда он направляется и как распределяется [6, с. 249]. В более поздних комментариях, сделанных к дневниковым записям уже после отставки, он прямо написал, что его уход был вызван внутренними конфликтами в правительственной среде, а также отсутствием поддержки со стороны императора Александра II. Непосредственным поводом послужили обвинения в ответственности МВД и лично П. А. Валуева в тяжелых последствиях неурожая, однако это не широко не афишировалось [6, с. 435–436].

Таким образом, в воспоминаниях Д. А. Милютинина получили освещение такие социальные проблемы, как пожары, неурожай и голод, эпидемия холеры. Автор констатировал их наличие и влияние на внутреннее развитие государства в 1860-х гг. При этом правительственные меры, направленные на устранение негативных последствий указанных социальных проблем, были охарактеризованы в воспоминаниях Д. А. Милютинина в общих чертах.

1. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютинина. 1860–1862 / под ред. Л. Г. Захаровой. – М. : Рос. фонд культуры [и др.], 1999. – 558, [1] с.
2. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютинина. 1863–1864 / под ред. Л. Г. Захаровой. – М. : РОССПЭН, 2003. – 688 с.
3. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютинина. 1865–1867 / под ред. Л. Г. Захаровой. – М. : РОССПЭН, 2005. – 694, [1] с.
4. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютинина. 1868 – начало 1873 / под ред. Л. Г. Захаровой. – М. : РОССПЭН, 2006. – 736 с.
5. Головин, А. В. Записки для немногих / А. В. Головин ; отв. сост. и науч. ред. Б. Д. Гальперин. – СПб. : Нестор-История, 2004. – 576 с. – (Библиотека журнала «Нестор» ; т. 10).
6. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел : в 2 т. / под ред. П. А. Зайончковского. – М. : Изд-во Акад. наук, 1961. – Т. 2 : 1865–1876 гг. – 588 с.
7. Каневский, Л. О. Основные черты развития медицины в России в период капитализма / Л. О. Каневский, Е. И. Лотова, Х. И. Идельчик. – М. : Медгиз, 1956. – 194 с.
8. Оницканский, М. С. О распространении холеры в России / М. С. Оницканский. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1911. – 116 с. ; 6 карт.

Алентьева Т. В.

ФОТОГРАФИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

По мнению зарубежных ученых, в конце прошлого века на смену лингвистическому повороту в истории пришел визуальный поворот, связанный с необходимостью интеграции гуманитарных наук, развитием междисциплинарности в исторических исследованиях, с появлением новых представлений о визуальности, ее значения и роли в современном обществе [4]. Развитие публичной истории, направленной на сближение профессиональной историографии с историей для широкой аудитории, отражает потребность общества в «живой истории», в реконструкции событий, в эмоционально насыщенной картине прошлого. Это постепенно меняет отношение профессиональных историков к комплексу источников визуального характера, ранее использовавшихся, как правило, в качестве иллюстративного вспомогательного материала. Приходит понимание, что они обладают самоценностью, помогают углублению представлений о прошлом, позволяют более зримо представить его облик. Значение визуальных источников возрастает в связи с информационной революцией, с появлением новых технологий, постепенно меняющих лабораторию историка и его информационно-коммуникативную среду. Однако, как отмечает в своей статье Л. Н. Мазур, в исторической науке визуальный поворот совершается медленнее, чем в социологии или культурологии, и имеет свои особенности, поскольку визуальные источники традиционно рассматривались в контексте исключительно историко-культурной проблематики. Это во многом связано с определенной консервативностью историков, с предпочтением использования традиционных комплексов источников. Тем не менее, интерес к визуальным источникам, несомненно, возрастает, все чаще фотографии, кинодокументы, теле-, видеозаписи включаются в исторические исследования, становятся самостоятельным полем исследования.